

Руслана Ляшева. Созидательный дух. (Проза Владимира Неунывахина)

Категория: [Очерк](#)

Автор: [Ляшева Руслана Петровна](#)

Просмотров: 361

2015 год, Выпуск № 4

Как-то на остановке долго не было трамвая, скопилось много пассажиров– жильцов многоэтажек и студентов-практикантов из 64-й клиники. Пожилая женщина нервничала, студенты шутили о пустяках, я разглядывала птиц на газоне. «Слушайте,– обратилась к студентам,– что за птица? Кто знает? Вроде похожа на воробья, но крупнее, и хвост, смотрите, длиннее!»

Все с любопытством уставились на пернатых, но помалкивали: не знали. Один парень неуверенно изрек: «Какая-то... перелетная?!» Подкатил трамвай, забыли о птичках и ринулись на штурм дверей.

Мы, горожане, кроме ворон, голубей и воробьев, не знаем никаких пернатых, обитающих в рощах, скверах и дворовых зарослях. Птичка же была сойка, как подсказала позднее пенсионерка-зоотехник. Не лучше обстоит дело с деревьями в зеленых массивах Москвы. В июле 2014 года я, полюбовавшись картинами и скульптурами студентов Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, вышла из Манежа и присоединилась к посетителям Александровского сада, направлявшимся к Вечному огню возле Кремлевской стены. После живописных экспонатов выставки бросилась в глаза красота молодых деревьев. «Слушайте,– обратилась за помощью к москвичам и гостям столицы,– что за дерево?» Плотное шествие приостановилось, все сообща пришли к согласию: молодой дуб! Экий богатырь!

Зато в книгах новокузнецкого прозаика Владимира Максимовича Неунывахина (Собрание сочинений в четырех томах, Кемерово, 2013) я нашла такое обилие сведений о природе, о реках и лесах и их шустрых обитателях, что без колебаний согласилась с его земляками, зачисливших автора рассказов об охоте и рыбалке в отряд писателей-натуралистов. Его живым контактам с «братьями нашими меньшими» мы, горожане, можем позавидовать.

Такого не увидишь в зоопарке

Неунывахин обстоятельно живописует птиц, зверей и рыб, бросая мимоходом реплики об их повадках, привычках, а то и хитростях.

«Когда я научился насаживать червяка на крючок и набрался силенок держать удище в руках,– вспоминает прозаик о первых шажочках на славном поприще,– отец начал брать меня с собой на Томь, вдоль которой широко раскинулся наш поселок Абагур-Лесной, и ее приток– реку Кондому, на близлежащие озера Малиновое, Тогул, Черное, где мы таскали ельчиков, пескарей, окушков, карасишек и другую мелюзгу. Но особенно любил отец рыбачить на Верном озере, хорошо там брала на хлеб сорожка. У него даже были прикормленные места на этом чудном водоеме. Да, озеро было действительно красивым».

Вот деталь, вроде побочная в рассказе «Ночная рыбалка», но много поведавшая о жизни сурка: «Пирог с налимом получился обалденным, и мы с Толяном, смакуя, чуть языки не проглотили от вкуснятины. Вылезали из-за стола, как сурки, обожравшиеся сладким горошком».

Репортаж Неунывахина об играх тайменя по страсти не уступает комментариям спортивного обозревателя со стадиона: «Поселок Усть-Кабырза потому и называется так, что расположен как раз в устье реки Кабырзы, впадающей в Мрассу. Поселок разделен на две почти равные части: одна, где в основном проживают шорцы, вольготно раскинулась по правому берегу Кабырзы (здесь располагалось хозяйство коопзверопромхоза); вторая– вотчина лаготделения, занимавшегося заготовкой и сплавом леса,– кучно занимала левый берег Мрассу». «...Таймень любит охотиться на подрастающую молодь на восходе и закате солнца. А наохотившись вдосталь, начинает играть. И надо видеть такие игры. Выпрыгивает этакое серебристое чудо под пять кило из стремительного потока и, сделав красивый кульбит в воздухе, так жахнет хвостом по воде... Брызги фонтаном... Дух захватывает!.. В общем, словами не передать. Или вдруг начнет носиться по стремнине, как глиссер, пурпурные плавники едва-едва касаются поверхности воды, а хвост туда-сюда, туда-сюда... Полюбуйтесь, мол, какой я молодец-красавец!.. И действительно– картина потрясная... Залюбуешься. Сколько мощи, страсти и изящества в упругом и одновременно гибком теле крупной рыбы! Смотришь, а сердце в груди– будто кто в барабан бьет: бух! бух! И азарт по всему телу жаром разливается– вот бы этого играна заловить...»

Однако, попытки поймать «играна» у автора успехом не увенчались. Старик-шорец, наблюдавший на бережку за тщетными поползновениями, посоветовал: «Твоя зря силы тратит. Она очень хитрый. Твоя нервы дразнит. Кушать совсем не хочет. Вечером приходи. На закате. Если не сбежит на другой перелет, может возьмет...»

То есть возьмет блесну на спиннинге. А сытый таймень играет: гонится-гонится за блесной, но перед берегом вильнет хвостом и лениво уходит на глубину («стервец»).

Вот просто готовая рекомендация туристам— не искать красоты «за бугром»: «Если подняться в верховья под самые водопады и пороги и спуститься оттуда ранним утром на плоту или резиновой лодке, отдавшись воле течения, можно увидеть очень много интересного, чего никогда не увидишь даже в зоопарке. Увидишь отдыхающую рысь, распластавшуюся на стволе склонившейся над водой старой березы... Обязательно полюбуйтесь на перекате игрой насытившегося тайменя, а то и спугнешь на песчаной косе отяжелевшего глухаря, набившего зуб острыми камешками. Неохотно уступит дорогу, сердито поглядывая в твою сторону, лось. Отряхиваясь всем мощным телом и недовольно фыркая, будет смотреть тебе вслед, пока ты не скроешься за поворотом. Солидную дозу адреналина получишь, столкнувшись нос к носу с купающимся семейством медведицы. Они, конечно, уступят тебе дорогу, но холодные мурашки между лопаток будешь ощущать еще долго после неожиданной встречи». И так далее.

Цитатами всего не перескажешь. Каждый рассказ о глухарях— настоящая поэма в прозе: «Косачи», «Ток у лежневки», «Под глухариную песню» и другие. «И не отношу себя к охотникам-профессионалам,— напрасно скромничает Неунывахин,— я просто страстный любитель побродить с ружьем по таежным тропам и болотам и очень люблю посидеть в скрадке на озере с утиным манком в руках. Но и я с огромным трепетом ждал, когда окончательно потеплеет, и глухари, пьянея от весеннего дурмана, слетятся на свои тайные, только им известные тока помериться с соперниками силой и красотой, щегольнуть этими качествами перед своими подружками-глухарочками».

Три раздела первого тома озаглавлены: «По тропкам отчего края», «Незабываемый Север дальний» и «Байки у охотничьего костра» (вот уж где жизнерадостный юмор!). Такую прозу и бывалому охотнику читать будет интересно. О чем, дескать, толкует? Не позаимствовать ли приемы охоты и рыбной ловли? О нас, «дремучих» горожанах и говорить нечего.

Встреча на проселочной дороге

Тема природы для размышляющего человека— безгранична. Встретив в рассказе об охоте олова «проселочная дорога» (том 2, стр. 37), я вспомнила о книге философа Мартина Хайдеггера «Разговор на проселочной дороге» (Избранные статьи позднего периода творчества. М., «Высшая школа», 1991) и подумала, что немецкий философ (один из самых крупных в XX веке) и писатель-сибиряк не случайно встретились на проселочной дороге. Если справедлив афоризм Хайдеггера, что философия и поэзия говорят одно и то же, значит, немецкий мыслитель и русский прозаик шли по проселку навстречу друг другу— от теории и от поэзии природы.

Мыслители минувшего века, как известно, взглянули на историю и на мир иначе, масштабнее своих предшественников. Английский историк А. Тойнби древних греков назвал, например, нашими современниками. С. Хайдеггер и того пуще. Обронил, походя, мысль, будто атомная бомба взорвалась уже в поэме Парменида, имея в виду, что тот направил мышление народа в практически сторону— на стезю науки. Вот, дескать, мы и пожинаем плоды такого подхода к миру— смотрим на природу, как на бензоколонку. А что? Не в бровь, а в глаз глобалистам! Пора, значит, нам опасаться от техницизма, от автоматизма, от роботизации.

Основная задача философии, наставлял Хайдеггер студентов и слушателей, свернуть с ошибочного пути западной цивилизации и вернуться к забытым истокам мышления, к подлинному Бытию. Вернуться к укорененности в родной природе. К родной почве!..

Владимиру Неунывахину не надо возвращаться. Он с родной почвы не уходил. Первый раздел во 2-м томе так и называется— «По тропкам отчего края». Сибиряк, писатель-натуралист органично укоренен в родной природе. Второй том надо бы издать тиражом не 300 экземпляров, а 300 тысяч или миллион. В советское время такие тиражи были не редкость. Восстановить бы замечательную традиция! Почва, родная природа сохраняет в человеке способность к размышлению, что очень важно, ибо «человек— это мыслящее, т.е. осмысляющее существо» (М. Хайдеггер). Еще древние греки заметили, что великан Антей, прислоняясь к Зее, матери-земле, восстанавливал силы. Хайдеггер порицает греков кое за что, но их мудростью не пренебрегает.

Платон в основу объяснения мира положил идею (идеологию), две с половиной тысячи лет западная философия шла за Платоном. В XX-веке экзистенциалисты (экзистенция— значит, бытие), а Хайдеггер— их отец, исправили крен от идеи к Бытию. Человек, размышляя, наставляет немецкий философ, открывает для себя мир. Открывает сущее.

Получается, писатель Неумывахин закрепляет человека в природе, в мире, обнаруживая у охотников и рыбаков горячие, страстные эмоции. Человек у него возвращается к самому себе— к органичному, «осмысляющему существу». Он читателей ведет на встречу с Мартином Хайдеггером. Пусть-пусть горожанин стряхнет пыль с ушей и освободит их от лапши, которую навешала городская цивилизация.

Увы, это еще не все. Охотники, часто и подолгу пребывая на природе, замечают перемены в ней не всегда в лучшую сторону. Порой говорят, без человека и его разрушительной деятельности природа быстро восстанавливается. Я засомневалась, слушая 6 августа 2014 года на Радио России передачу «Ни пуха, ни

пера». Журналист Николай Мамулашвили пригласил в студию охотников, побывавших на Ярославщине. Они о горечью сообщили, что перелетные птицы пролетают без остановки над полями, где прежде кормились. Раньше там колхозники сеяли хлеб, после уборки кое-какое зерно осыпалось на землю. Дикие гуси и утки стаями опускались и завершали уборку урожая. Колхозы распались, поля заросли осинами и березами в рост человека, пернатые проносятся, не снижаясь.

Наверное, природа и человек во взаимодействия создают симбиоз. Без человека пашни деградируют. Еще страшнее деятельность человека-хищника, для которого природа – бензоколонка. Или равнодушного.

«Черное озеро» Неумывакина завершается грустным финалом: «Не так давно я посетил Черное озеро и не узнал его. Испоганили прекрасный водоем. Строили новую железнодорожную ветку и не придумали ничего лучшего, как отсыпать ее полотно наискосок через середину озера, по живому располосовали водную гладь огромной насыпью. Не растут и не цветут сегодня на оставшихся обрезках озера желтые кувшинки и белоснежные лилии, у берега расплозились масляные пятка, плавают всякий мусор, пластиковые бутылки из-под пива и других напитков, Смотрел я на остатки озера – и сердце кровью обливалось: так безжалостно загубили природную красоту, не захотели отклониться на пятнадцать метров в сторону. Скоро дорубим сук, на котором сидим!»

О причинах загрязнения природы и обвала сельского хозяйства рассуждает хозяйственник А.В. Коваленко в статье «Оздоровление или уничтожение» («Советская Россия», № 92, от 21 августа 2014 года), сетует, что колхозы мы уничтожили непосильными банковскими кредитами (Ираку, Ливии и каким-то ещё странам прощали огромные долги, а своим колхозам скромные, но для них непосильные долги не простили). Не остаются от злободневной темы в стороне политики. Г. Явлинский («Новая газета», № 93, от 22 августа 2014 года) охладил энтузиазм тех, кто воспылал надеждой, что Россия, введя санкции на ввоз продуктов странами ЕС, Канадой, Австралией и т. д. поможет, наконец, своим сельхозпроизводителям. Как? Ведь в деревне уже не осталось тех, кому можно вручить деньги на возрождение, только старики в опустевших деревнях доживают свою жизнь.

Для такой большой проблемы, конечно, нужна отдельная статья.

«Прямой стиль» – прямо от народа

Углубившись в чтение, я размышляла: в чем особенность и своеобразие прозы Владимира Неумывакина? Взгляд скользнул по книжной полке и задержался на названии: «Поэзия. Московская организация Союза писателей России». Взяла книгу и открыла: «Литературно-художественный журнал», № 1 (18). Москва, 2003. Под рубрикой «Концепция» – небольшая статья Владимира Гусева «О тайнах прямого стиля». Года два назад в МГО СП России проходило обсуждение его новых книг, где много было выступлений: хвалили в стихи, и прозу. Я прозу тоже высоко оценила, а стихи – нет. Поэт Лев Котюков ринулся тогда в полемику, доказывая, что у Гусева – современный прямой стиль: автор высказался от своего имени. Без навороченной, мол, метафоры.

Вспомнив бурное «собеседование», я с интересом пробежала глазами статью Гусева, чтобы получить разъяснение прямого стиля из первых, так сказать, рук.

В статье концепция выглядит убедительно. Из современной ситуации, когда стихи «пишут все и пишут хорошо», Гусев видит выход в выборе критерия оценки стихотворения; можно «отделить Поэтов от множества непозетов или плохих поэтов». Критериев несколько: тематика (о Родине или о любви), взвинченный метафоризм (неестественность), виртуозность техники стиха (чем её больше, тем дальше от истинной поэзии). Совет дан простой: «Будьте самими собой». Вот, значат, что такое прямой стиль!

После концепции Владимира Гусева всё внимание вернулось к прозе Владимира Неумывакина. Да у него же прямой стиль! Только в прозе. Повествование идет от автора, хотя одни рассказы похожи на очерки, другие имеют сложную интригу, но авторская интонация сохраняется. А темы – взять, допустим, первый том – непростые: «Колесо историй», «Несладкое детство», «Военное и послевоенное лихолетье», «Избранное». Жанры – мелкие, но это эпос. Прямой стиль, интонация объединяет мозаику в картину жизни народа. Масштабного сюжета нет, но по силе воздействия на читателя – эпопея. Мы видим русский народ и тюркские народы (шорцы, хакасы и другие), населяющие Кузбасс.

Повесть «А помнишь, Витек?..» нанизывает на воспоминания множество эпизодов из народного быта – строительство церкви, проказы мальчишек, семейные заботы и горести и т.д.

У психологов, сторонников Карла Юнга, коллективное сознание («Оно») существует как бессознательное. У Владимира Неумывакина коллективное народное мироощущение осознается каждым человеком, оно и держит на плаву в годину лихолетья. В поселке Абагур все знакомы, все на равных, нет нынешнего расслоения на «крутых» и нищих. Народный коллектив! Пожалуй, каждый читатель, открыв повесть, вспоминал свое детство, как бы вновь окунаясь в народную толпу.

«Сколько помню, – разворачивает панораму жизни поселка автор, – до пятидесятых годов мало кто из жителей нашего поселка занимался садоводством, считали это дело в сибирских краях бесперспективным и никчемным. Если кто-то из соседей вдруг начинал выкапывать в лесу кусты малины, кислицы (красной смородины) и сажал их у себя на огороде вдоль забора, на него смотрели как на чудака. А уж тех, кто всерьез

принимался за посадку саженцев яблонь, груш, крыжовника или пробовал прививать к ранеткам к дичкам какие-нибудь полукультурки, можно было по пальцам перечесать. На весь поселок насчитывалось не более трех-четырёх садовых участков с плодовыми деревьями, многие из которых, чтобы не вымерзли в зимнюю стужу, пригибались к земле и с наступлением холодов тщательно укрывались хозяевами подсобным материалом. Один из таких приусадебных садов принадлежал Вере Степановне... это главврач нашей поселковой больницы... Второй сад принадлежал родителям Виктора Пономарева, Героя Советского Союза, получившего это звание в январе 1944 года в 19 лет за подвиг, совершенный при восстановлении связи на передовой... А мы, пацанва, регулярно совершая набеги на огороды наиболее зажиточных поселян, никогда не делали попыток «пошерстить» сады Веры Степановны и Пономаревых... И у нас было уважение к заслуженным людям поселка».

И так далее, в такой же интонации повествования. Читаешь, не отрываясь, будто свое детство вспоминаешь. Вот что значит прямой стиль в прозе.

Четыре союзника у России: природа, народ, армия и флот

На ум приходят строки Федора Тютчева:

Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой —
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.

Не видите ль? Собравшись в дорогу,
В последний раз вам вера предстоит:
Еще она не перешла порогу,
Но дом ее уж пуст и гол стоит, —

Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь...
Но час настал, пробил... Молитесь Богу,
В последний раз вы молитесь теперь.
16 сентября 1834

На такую ситуацию христианских «модернистов»– протестантов и лютеран– похожа положение современных постмодернистов в нашей литературе. Вот и «храмина» постмодернистов, их «дом» пуст и гол стоит. А как шумели эти пародисты, стилизаторы, сотрясатели основ эстетики в 80-ые и в 90-ые годы! Года минули, страсти хоть и не улеглись, но все же стало очевидно, к чему стремились бунтари и к каким результатам пришли. Взять хотя бы книгу Дмитрия Пригова «Советские тексты» (СПб, 1997). Из краткой библиографии так и бросаются в глаза названий двух книг из предыдущих изданий: «Явление стиха после смерти» (М., 1995) и «Собственные перепевы на чужие рифмы» (М., 1996), в которых уже выражена суть постмодерна. Это, действительно, «стих после смерти».

В «советских текстах» Пригов пародировал эстетику соцреализма и одновременно общественный строй, «режим»– по лексике либералов. До перестройки пародии может и звучали смешно, а теперь вышел наружу их страшный смысл.

Вот новое постановление
Об усилении работы
Его читает население
И усиляет те работы
Его ничто не удивляет
Но усиливая те работы
Попутно эти ослабляет
И дисгармонию устраняет
Между Работой и работой

Поэт высмеивал бюрократизм и, якобы, бессмысленность советской системы. Но времена изменились, либералы, разворовав промышленность и обвалив экономику, столкнули народ в безработицу и нищету. Нет работы! На Украине и того пуще– ни работы, ни мира; после Майдана запыхала гражданская война. Такими оказались результаты перемен, о которых втайне мечтали литературные пересмешники. Автор предисловия «Чтобы жизнь внизу текла (Дмитрий Александрович Пригов и советская действительность)»– Андрей Зорин скромно умалчивает о разрушительной сути поэзии иронистов: «Не берусь судить, был ли гомерический хохот аудитории на давних чтениях Пригова адекватной реакцией на его

стихи. Сам я, кажется, покатывался громче всех. Конечно, к так называемой «ироничной поэзии» с ее недорогой перестроечной популярностью литературная работа Прилова никогда не имела никакого отношения (вот уж не согласна – Р.Л.), но, возможно, наш смех рожден не столько издевательством над советскими штампами, сколько описанной Брехтом в «Жизни Галилея» радости открытия. В данном случае открытия в лживом и идеологизированном мире советской социальной сферы незамутненно чистого личного переживания...»

Мне критиковать покойного Пригова неловко, но что делать, если «либеральные интеллигенты» (понятие А. Зорина) – почитатели его поэзии по лживости далеко-далеко обогнали разрушенную ими советскую систему. Вслух кричали о демократии и каких-то цивилизационных, якобы, ценностях, а сами хапали к гнали валюту за бугор. Другой либеральный интеллигент, тоже, к сожалению, покойный, – Егор Яковлев, возглавлявший ТВ в годы перестройки, признался в прессе незадолго до смерти, дескать, стыдно перед самим собой, потому что, пока мы кричали (на ТВ): «Даешь перестройку!», «Не остановить перестройку!» – они (то есть лживые либеральные интеллигенты, будущие олигархи – Р.Л.) набивали карманы.

И грабёж России продолжается. Валентин Катасонов, проф., д.э.н., председатель Русского экономического общества им. С.Ф. Шарапова, высказал прогноз по оттоку капитала из России за 2014 год: «...Банки и предприятия вывели из страны в первом полугодии 76,4 млрд. долларов. Следовательно, на годовой основе отток честного капитала может составить более 150 млрд. долларов» («Советская Россия», № 93, 23 августа 2014 года).

Приехали к европейским ценностям! Скорее европейцы подъехали к нашим ценностям. Не либеральным интеллигентам было упрекать советскую систему в лживой идеологии. Как говорит пословица, чья бы корова мычала, а твоя бы молчала. Эстетский постмодернизм на фоне достигнутых социальных результатов опростоволосился. И стушевался! Мавр сделал свое дело (помог либералам обарахлиться на распаде СССР), мавр может уходить. Прошла мода на постмодернизм. А реализм – традиционный или «новый реализм» – живет и развивается.

Часто всплывает афоризм императора Александра Третьего, что у России два союзника – армия и флот. По правде говори, у России четыре союзника – родная природа, народ, армия и флот! К такому пониманию приходишь, читая рассказы Владимира Неунывахины о детстве в сибирской «глубинке», об охоте и рыбалке. Непроизвольно тянешься к повести «Детство» Л. Толстого и улыбаешься сходству эмоций у юных охотников в XIX-м и в XX-м веках.

Выразительна сцена охоты у Толстого: «Вдруг Жиран завыл и рванулся с такой силой, что я чуть было не упал. Я оглянулся. На опушке леса, приложив одно ухо и приподняв другое, перепрыгивал заяц. Кровь ударила мне в голову, и я все забыл в эту минуту: закричал что-то неистовым голосом, пустил собаку и бросился бежать. Но не успел я этого сделать, как уже стал раскаиваться: заяц присел, сделал прыжок, и больше я его не видал. Но каков был мой стыд, когда вслед за гончими, которые в голос вывели на опушку, из-за кустов показался Турка! Он видел мою ошибку (которая состояла в том, что я не выдержал) и, презрительно взглянув на меня, сказал только: «Эх, барин!» Но надо знать, как это было сказано! Мне было бы легче, ежели бы он меня, как зайца, повесил на седло».

Десятилетний мальчик, участвуя в загоне, упустил зайца! И какие эмоции! Так вот в детстве ребенок и прикипает к природе.

Сергей Аксаков в повести «Детские годы Багрова-внука» описывает первую в жизни рыбалку мальчика: «Евсейич приготовил мне самое легонькое удилище и навязал тонкую лесу с маленьким крючком; он насадил крошечный кусочек мятого хлеба, закинул удочку и дал мне удилище в правую руку, а за левую крепко держал меня отец: ту же минуту наплавок привстал и погрузился в воду, Евсейич закричал: "Тащи, тащи..." – и я с большим трудом вытащил порядочную плотичку. Я весь дрожал, как в лихорадке, и совершенно не помнил себя от радости. Я схватил свою добычу обеими руками и побежал показать ее матери; Евсейич провожал меня. Мать не хотела верить, чтоб я мог сам поймать рыбу, но, задыхаясь и заикаясь от горячности, я уверял ее, ссылаясь на Евсейича...»

Владимира Неунывахины на первую рыбалку в детстве привел отчим. Эмоции были аналогичны изображенным у Аксакова. Традиция получила такое естественное продолжение, каким бывает течение реки. Михаил Пришвин в рассказе «Охота за счастьем» назвал охоту инстинктом дикаря в цивилизованном человеке. «Охотники, зараженные этой страстью так, что она держит их до самой смерти, бывают только из особенных людей, ими надо родиться и непременно быть посвященными этому занятию в детстве».

Размышления Пришвина можно считать комментарием к произведениям о детстве и охоте Л. И. Толстого, С. Т. Аксакова, самого М. М. Пришвина и нашего современника В. М. Неунывахины.

Михаила Пришвина, по его признанию, писателем сделала охота. Пока он писал, подражая кому-то, прозу отклоняли. Об успехе книги «В краю непуганных птиц» он пишет: «...Я понял причину своих первых неудач в литературе. Они были потому, что я не мог быть самим собой. Теперь я понял себя, что по природе я не литератор, а живописец, ведь я мало смею выдумать, я работаю по натуре...»

Тут, кстати, у Михаила Пришвина налицо перекличка с Владимиром Гусевым и Львом Котюковым, которые горой стоят за прямой стиль. Что ж, может, они и правы. Пришвина «прямой стиль» (быть самим собой) сделал популярным писателем. Следующее произведение – «Кашееву цепь» А.К. Вронский без проволочек

напечатал в «Красной нови».

Между прочим, в ту же Архангельскую область, которую с успехом описал Пришвин, в конце 1930-ых годов поехал Юрий Казаков. «Северный дневник» сделал знаменитым не только Казакова, но и Север, который потом несколько десятилетий не сходил со страниц книг многих писателей. Выходит, Неунывахин подхватил крепко налаженную традицию русской литературы.

На посошок разговора об охотничьей теме назову роман Вячеслава Щепоткина «Крик совы перед концом сезона» (г. Мирный, 2013), где глазами охотников, которых крик совы предупредил о беде, увиден и осмыслен распад Советского Союза. У традиции появился такой масштаб, что можно говорить о новом повороте. Щемящая нота звучит в рассказе

Недавно мне довелось рецензировать роман «Симулянты» Сергея Минина (М., «Литературная Россия», 2013), «живописующий» современный российский следственный и судебный произвол, в жернова которого попали два друга из города Тольятти, ложно обвиненные в угоне машины, в воровстве. Не имея рюкзака денег, чтобы выскочить из «налаженного» процесса, они прикинулись чокнутыми и попали в «дурку». Только симулянты из них получились неудачные, хитрость не прошла и избежать лишения свободы не удалось. Одни из них, выходя из зала суда, бросился бежать: воля! Убит.

Когда слышишь на Радио России, что после проверки «Роснано» заведено 6 уголовных дел и другие подобные новости, понимаешь, такие люди выскочат сухими из воды, явятся на суд с рюкзаком денег и отмажутся.

Прозаик Неунывахин в третьем томе представил рассказы о пенитенциарных учреждениях, о местах, говоря по-народному, куда Макар телят не гоня. Изобразил сии учреждения с двух сторон – с точки зрения тех, кто эзков охраняет, кормит, перевоспитывает, а также через взгляд «воспитанников», эзков. Первая глава книги так и называется – «О соратниках, друзьях-товарищах», вторая, соответственно – «Места, не столь...» Владимиру Максимовичу выпало по жребию судьба служить срочную во внутренних войсках – в Южжубасбаслаге – и затем работать в этой же системе на Севере – в Североонежском управлении лесных ИТУ, еще до перестройки, в советское время. И тогда жулья хватало, но масштаб этой сферы был не сравнимо скромнее, это потом он вырос скачком после «прихвативатизации» и грабильки. Возможно, поэтому в рассказах Неунывахина на эту тему – зоркая наблюдательность в сочетании со спокойной интонацией, нет истеричности, как у персонажей романа Сергея Минина.

Типология рассказов та же, что в двух первых томах, – одни похожи на очерки, другие с острым сюжетом детективы. Первый тип – «Я – Куровский» второй – «Покушение». Персонажи одеты в черные бушлаты или в солдатский камуфляж, но это всё – народ. Большое разнообразие характеров и непредсказуемых ситуаций, когда сталкиваются в противоборстве мужество офицеров и отчаянная жестокость отморозков-эзков. Так уже бывало, что солдаты, отслужив срочную во внутренних войсках, приходили в литературу с первой книгой. Так начинал Сергей Довлатов после службы на Севере, позднее он уехал в США и махнул рукой на свой первоначальный опыт. Московский прозаик Олег Павлов на срочной службе познакомился с Карлагом (Караганда) и, вернувшись в Москву, напечатал интересную «Степную книгу». Я писала рецензию в «Литературную Россию» и запомнила книгу. Павлова стал печатать «Новый мир», он получил известность, но столичная литература развернула его на другие проблемы.

Неунывахина сложная тема надолго взяла в оборот из-за обилия впечатлений. Наверное, большой запас жизненного материала повлиял и на выбор короткого жанра, хотя некоторые рассказы по сюжету могли бы развернуться в комедию («Самопожертвование» замполита») или в трагедию («Мразь! Такого человека загубил!»), Рассказ «Земля» так и напрашивается на превращение в психологическую повесть о дружбе земляков – солдата и эзка, которая из-за случайного промаха заключенного закончилась самоубийством солдата. Какая-то тонкая душевная нота звенит в повествовании, доказывая, что те и другие обитатели лагеря – все тот же народ.

P. S. Обнищание народа после незадавшихся реформ стало уже притчей во языцех. Обвал экономики увеличил и контингент в местах, не столь отдаленных. Европа, которая не поддержала Россию с реформами, может быть, теперь поможет (от противного!) санкциями. Русские, чувствуя давление, всегда сплываются. Сейчас это очень важно. Надо нам, засучив рукава, браться за возрождение промышленности и сельского хозяйства. Народные книги Владимира Неунывахина этому содействуют, пробуждают созидательный дух.